

**Группа SilverCast представляет
фантастический рассказ
по мотивам музыкального альбома «Chaos Engines»**

ИМЯ ХАОСА

ГЛАВА 9

Ювелир вошел в зал сразу же за первым отрядом и теперь вместе со своими воинами теснил мастеров-защитников к Хаосу. Происходящее вокруг полностью вытеснило из головы дурные мысли.

- Не трогать мастеров машин творения, - отдал он приказ, понимая, что эти мастера не бросили умирать свои машины. Он очень хорошо знал этих механоидов.

Сейчас всё стало относительно ясно, хотя очень и очень непросто. Сейчас между ним и его любимой стояла всего лишь армия лучших из ныне живущих воинов, которой непосредственно руководил Генерал.

Впрочем, учитывая то, что высшим командованием собралась заняться Длань Милосердия, скоро этот змей окажется без головы. Но старуха не посмеет приблизиться к Первожрецу, а ведь именно он стоит сейчас между Ювелиром и Хаосом.

Над воинами, уже смешавшимися в единую массу, высоко парила механическая птица. В её силуэте Ювелир без труда узнал Садовника, и от этого узнавания по душе пробежал холодок огорчения: они все здесь – Садовник, Конструктор, Генерал, Кузнец... все. Все демоны, которых он когда-либо знал, сейчас встали против него. И, хотя иначе быть не могло, это горько, очень грустно было осознавать.

Сильным магнетическим ударом отреагировала на какое-то событие Храма заходящая луна, и Ювелир понял – это не стало Генерала. Грусть в душе превратилась в вязкую текучую горечь, которая гнала и гнала вперёд, сама собой, доказывая серую правоту сделанного Ювелиром выбора. Он не свернёт и не уступит никому.

Ради Линоры, ради своей любви. В их спокойных нежных глазах, в их безропотном принятии жизни таилась особенная, невыраженная, но первозданная сила творения. Эти женщины были готовы на всё ради своих любимых, но мир и Храм были к ним несправедливы, а значит должны быть изменены. Он, Ювелир, заставит их распластаться в знаке величайшего самоуничтожения под ногами этих женщин, но окажут ли они миру и Храму честь? Пройдут ли по их распластанным телам, выходя из сна машин в мир придуманной Ювелиром свободы? Демон не знал, но где-то на краю своего сознания, понимал, что нет.

Линора. Линора!

Крик Ворона разнёсся над Залом Творения, и птица камнем бросилась вниз. Ювелир не видел, куда он направился, но понял, кто его там ждал. И в тот момент, когда белые руки Линоры обвилились вокруг шеи её любимого, тогда, когда соприкоснулись их губы, весь Храм залился солнечно-золотым светом, исходящим из каждого осколка садового хрусталя, которого в Зале Творения было так много.

«Вот что может одна её любовь, её отвага и стать, её доброта, в которые ты, мой старый приятель, не поверил», - очень громко подумал Ювелир, и его армия, вся, как один большой организм, усилила натиск.

До первого лепестка осталось совсем немного, когда золотой свет залил всё вокруг. Храм стал словно пропитан солнцем, но это сияние рассеивалось у конца мира, не смея тронуть тьму Хаоса. Ученик мастера почувствовал, что у него перехватило дыхание, и, несмотря на удушающий страх и боль во всех органических частях тела, несмотря на

потянутые мышцы, вся его душа пропиталась светлым, как первый рассветный луч, трепетом.

Но времени смотреть на эту красоту не было. Нужно было двигаться, и делать это быстро.

Нужно было двигаться, и Ювелир на мгновение переместился на крышу одной из временных мастерских и тут же вернулся назад: оставшиеся в живых после болевой атаки стрелки били без промаха. Нужно было на что-то решаться, и срочно – если армия мира успеет подойти к Храму, то дело примет безнадежный для Ювелира оборот. Первожрецу в действительности нужно было просто продержаться до прихода подкрепления.

Результаты осмотра, однако, его порадовали. Мастеров-защитников пало уже достаточно, чтобы освободить место у самой кромки Хаоса. Если бы там Ювелира не ждал Первожрец, то всё можно было бы закончить уже сейчас, но всё было не так просто. Последний воин Храма поймает Ювелира при любой попытке перемещения, и единственный способ пройти его – убить.

Как убить первого демона Храма, Ювелир представлял себе очень и очень плохо, но по его опыту все остальные демоны из тех, что менялись, как правило, умирали после того, как их голова оказывалась отделённой от прочего тела. При условии, если она была не съёмной, конечно же.

Команда мастера тем временем добралась до первого лепестка. Ученик мастера начал скручивать съёмные детали левой руки и передавать подмастерью Ювелира камни, необходимые для имитации управляющего устройства.

- Остался последний, - крикнул механоид, но ученик мастера никак не мог справиться с суставом руки, чтобы высвободить последний из камней. Он знал, что слишком долго возится, и от этого волновался ещё сильнее и ещё медленнее продвигался.

Мастер, оставив свою наблюдательную позицию, пришел ему на помощь.

Огранщик, закончив в этот невыносимо длительный промежуток времени со всеми остальными камнями, обернулся к Залу Творения и взглянул вниз. Там была Битва. Там маленькие, словно серебряные крупницы, воины двух противоборствующих сторон сражались друг с другом насмерть. Там кто-то отдавал свою вторую, а кто-то единственную жизнь, но все они сражались за дорогу к Дому. Где-то среди них был его господин. Где-то там было продолжение его настоящей жизни. Жизни после этого купола, которому он так много отдал. Жизни, которую он так хотел узнать, которой у него никогда не будет, что бы ни произошло.

Остался один камень, и он убьёт своего господина и учителя. Храм, уничтожающий и перемалывающий судьбы своих прихожан, не остановится никогда. Все, что с ним случилось в его жизни, случилось правильно, но так несправедливо. Несправедливости подпирали одна другую, смеялись, играли в чехарду и прятки, менялись лицами, телами, но все вместе всегда и всегда складывались в идеальный узор, украшающий этот Храм.

Храм, который совершал необходимые жертвы величайшей из возможных цели – своему собственному существованию. Он, подмастерье, ученик, переросший своё положение, всё же не готов был сделать такой немыслимый, ужасающий выбор, но обязан был его сделать. Выбор, которого, как ни смешно, как ни обидно это признавать, никогда не было и нет. Его нет, и потому чувство облегчения теплело где-то внутри души механоида. Оно хранилось там, словно в стеклянном сосуде, готовое вылиться наружу, лишь только он признает и примет для себя – нету выбора. Его сделал кто-то за него, ещё до его рождения. Центр, Сотворитель, Храм, быть может, Ювелир. Тот, кто выковал его душу, кто дал ему Дар – во что бы то ни стало следовать своей цели, не считаться с собой, добиваясь результатов.

Эта цель была как железные тиски. Как негнувшийся стержень внутри. Кто-то помимо него всё предопределил, и теперь, когда в руках огранщика, забывшего своё имя, была судьба этого мира, он уже не может свернуть. Теперь, когда ему предоставили право самостоятельно решать, он не может сделать ничего такого, что уже не было бы заложено в его подкорку.

Он помнил одну точку, в которую смотрел, там, в подземельях, пока его руки были полностью сосредоточены на сухожилии, которое нужно было повредить. Это было для Храма, но уже не для купола. Ювелир хотел, чтобы он начал работать над чем-то другим, и теперь, стоя над Битвой, он понял над чем – справедливость.

Повреждённая нога теперь действовала легко, и он быстро вынул стилет, который после того, что перенёс в подземельях, поклялся всегда носить с собой и который не открыл своим спутникам из затаённого страха перед ними. Обернувшись от края, он по самую рукоять всадил его мастеру в сердце. Старик, тщась повернуться, оступился и уже мёртвым сорвался вниз.

Ученик мастера, не моргая, смотрел на убийцу.

Когда первый шок для обоих прошел, перехватив своё оружие удобнее, молодой механоид отступил на шаг.

- Что ты делаешь? – задал глупый вопрос юноша, не желая услышать ответа. - Он был к тебе добр!

- Я тот, кто я есть. Я – ученик своего господина. И если то, что он делает там, внизу, это битва за справедливость, то я – его воин.

- Но справедливости не может быть, это глупо... ведь есть высшая цель... есть Храм!

- Тогда пусть он летит в пропасть! – механоид весьма неумело, но опасно размахнулся, и ученик мастера легко поднырнул под его рукой, одним движением механических пальцев вырвав из голени своего соперника только что вживлённый имплантат. Оказавшись сзади, он сильно размахнулся вырванной механической деталью и ударил его по голове наотмашь, не дав успеть развернуться. Потом ударил ещё и ещё, но так и не решился столкнуть вниз. Что-то там, глубоко в груди не позволило ему это сделать.

Издав сдавленный рык и злясь на самого себя, юноша толкнул своего противника в сторону лепестка и ударил его, уже почти не сопротивляющегося, головой о железное основание купола. Отобрал стилет и потратил лишнее время, время, которого, может быть, у погибающего Храма уже не было, на то, чтобы приспособить одежду под верёвки и связать подмастерье Ювелира ими.

Закончив, он прислонился к подножью первого лепестка, стараясь унять нервную дрожь. Успокоившись, наконец-то, не без усилий отсоединил последний турмалин и поднялся, чтобы вставить его в правильную позицию в нише для первого камня. Она была разобрана, и остальные камни лежали на своих местах в сложной последовательности, закономерность которой он смог просчитать с помощью линейки.

Если всё так, как они обсуждали по дороге, то, поставив турмалин на место, он подаст куполу единственную команду – раскрыться.

Прошла секунда. Две. Три.

Он вставил камень на место.

Бессильно упав на парапет над Залом Творения, он смотрел, как раскрывается навстречу рассвету огромный цветок из металла и самоцветов. Самый красивый в мире цветок. А голос в голове всё так же шептал: «не бойтесь!».

Собравшись с силами, которые стремительно оставляли перенапряженное тело, он, зачем-то придерживая культю левой руки, разобранной почти по самое плечо, подполз к краю и заглянул вниз.

Солнце озаряло Битву, которая не прекратилась ни на секунду. Мёртвые не рассыпались в прах от солнечных лучей, не загорелись, не растворились в золотом сиянии рассвета. Это был конец.

Юноша, щурясь, поднял голову вверх, на последний рассвет, обнимающий прозрачными руками мир, с которым он прощался. Невесомые лучи струились в зал, нежно касались испачканных кровью и техническими жидкостями лиц. Он ласкал их, ласкал, когда они убивали друг друга. Ласкал живых и мёртвых, ласкал с неизбывной заботой выливающуюся кровь и изуродованное железо. Восковые маски, в которые превратились лица павших, внутренности, которые ещё живые тщетно пытались удержать в распоротых животах, мастеров, демонов, обезумевших от ярости и страха, он ласкал, он играл с волосами Линоры, он перекрашивал цвет глаз Садовника, он обнимал их и был между их губами за мгновение до того, как они сомкнулись. Это был прекрасный рассвет. Самое красивое, что было в жизни ученика мастера.

- Ювелир! – Громко позвал Первожрец. Его прямая высокая фигура ясно выделялась на фоне темноты.

- Я здесь, – негромко произнёс тот, зная, что его услышат.

- Чего ты хочешь?

- Свободы.

- Так будь свободен! Я отпускаю тебя! Ведь ты уже остановил Храм! К чему весь этот маскарад?

- С камнями или нет, вы найдёте способ заставить снова начать Храм работать, если я не остановлю его навсегда.

- Пусть так, но тебе не будет до него дела, если ты получишь свою свободу, так что просто прекрати творить глупости – они слишком многого стоили всем нам!

- Жить без указок – это не свобода. Свобода – это право выбирать. Это знание, что ты делаешь и зачем. Свобода – это осознание себя, а в Храме в действительности никто не знает, что он делает. Храм существует сам для себя. Здесь никто не может выбирать, имея возможность своей печалью изменить мир!

- Это не свобода, ты подменяешь понятия, давая им неверные определения. Это что-то другое. Сам не знаешь, чего хочешь!

- Пусть так. Я не спорить с тобой пришел. Я пришел взять своё, старый софист.

- Но мы такие, какие мы есть, приходим, когда нужно, делаем, что должны, и уходим в свой срок. Ты так мучился потому, что изобрёл эту свою «свободу», выдумал, как автор третьесортного романа для кухарок и поломоек с низшим уровнем интеллекта! Её не было до тебя, так что забудь!

- Пусть не было, так я её создам!

- Допустим, ты уничтожишь этот Храм, но ты ли его построишь заново? Ведь ни один мир не может существовать без Храма, ты знаешь это.

- Нет, не я. То, что построил я, – твёрдое, оно из камня и металла, но оно не живёт, оно лишь пожирает чужие жизни и жиреет от украденных печалей, оно – огромная самоцель, где ни для кого нету места. Оно мертво в самом своём изначалии. Храм после меня построит тот, кто сам будет Храмом! И этот неосязаемый храм будет для всех! Отойди с моей дороги!

- Уничтожишь Храм и себя вместе с ним уничтожишь. Ювелир, ты не знаешь, что такое любовь – ты никого никогда не любил, и никто не любил тебя. Все, кто знал тебя – мертвы. Только Храм доказывает то, что ты когда-то существовал.

- Ты не знаешь эту часть жизни мира, но, сделав свой выбор, нужно помнить всегда, что этот выбор сделает тебя никем и ничем в чужих глазах.

- За мной Хаос, Ювелир. И ты не подойдёшь к нему. Скажи-ка, пока мы так мило болтаем: эти твои мастера, как ты смог их всех освободить? Ведь они мертвы – нет больше их механоидных тел! Они сгнили, разобраны, проедены ржавчиной!

- Я смог, потому что знаю правду. Я понял её и приобрёл силу. Я просто позвал – и вот, они пришли. Думай сам: как им это удалось. Думай сам: кто это сделал. Тебе не страшно от того, что тебя совсем не защищает логика? Центр ошибся в свой единственный и последний раз. Я не умер тогда, когда должен был, и теперь этому миру и этому Храму пришёл конец.

- Так что это за правда? Ты её тоже придумал, как свою свободу? Как свою любовь?

- Бог есть. И это не Сотворитель.

Первожрец смолчал, и Ювелир не пропустил вырванный момент, переместившись к краю мира. И они стояли друг напротив друга на краю Храма и Хаоса. Хаос глухо клокотал, но больше не кричал так пронзительно, как раньше – остановились терзавшие его машины. Теперь демон был на самой кромке, и Ювелиру нужна была одна секунда, но Первожрец не даст ему этой секунды, пока они оба живы.

- Сначала я понял, что Храм и Сотворитель, - в безэмоциональности голоса Ювелира сквозила та же угроза, какая всегда исходила от Дракона, – не одно и то же. Потом, - говорил Ювелир, понимая, что поединка не избежать, - что я больше не часть этой машины. А потом я посмотрел перед собой и увидел Творение. Оно не имеет ничего общего с машинами и Хаосом. Оно над ним, выше него.

- Но ты же демон!

- Если ты боишься признать, что за мной стоит твой господь, то признай тогда – я больше не демон. Я изменился. И теперь я пришел изменить всё вокруг. Во втором случае твой бог не всесилен. В первом – ты проиграл.

- Ты никогда не сможешь уничтожить Храм, - Первожрец ощущал истинный полный контроль, какой можно ощутить лишь на последнем рубеже своего призвания. - Этот мир защищаю я!

Они сошлись. Один не был сильнее другого. Но Первожрец явился воплощением себя самого. Демон демонов, он защищал весь этот мир и Храм. Никто и ничто не могло его сейчас победить.

Исчезая и появляясь, мелькая там, где кончался порядок, они сражались друг с другом в последнем и главном противостоянии от начала времён.

Купол раскрылся до конца, и солнце залило и без того золотой от свечения садового хрустала воздух Зала. Хаос умолк. Он стал таким же тихим, как и Храм, в тот момент, когда его озарило солнце. И Первожрец, и Ювелир остановились, когда увидели Хаос. Молча опустив оружие, словно провинившиеся дети, они смотрели в мраморные глаза Сотворителя, которые пронизывали их взглядом из сердца Отца всех кошмаров, из самой глубины Хаоса.

Очнувшись первым, отрешившись от того, что только что видел, и полностью сосредоточившись на том, что может всё же победить и быть со своей любовью, Ювелир поднял меч и со всей оставшейся в нём силой обрушил его на Первожреца, который так и стоял, бессильно опустив руки. Но за мгновение до того, как всё уже должно было закончиться, сталь ударила о сталь, и демоны встретились взглядами. Теперь начался бой до конца. Теперь они стали врагами. И Ювелир не мог пройти Первожреца, который был демоном демонов – таким, какой он есть.

Удар одновременно двумя руками, и камень-блокиратор под кожей у обоих. Удар обоими крыльями, сильно, со всей возможной злобой, и оба сорвались в Хаос. То, как безумные куски вещества разорвали Первожреца, Кода наблюдала с наслаждением, а затем она наклонилась над краем мира и встретилась глазами с Ювелиром, который одной рукой ещё держался за Храм.

- Я никогда не видела добра ни от одного из вас! – крикнула она, отчаянно ощущая необходимость своих слов. - Я раньше была влюблена в вас обоих, я вас обоих любила, а вы оба бросили меня! Предали смерти, обещая защищать!

- Имя Хаоса – любовь, это она должна быть первой трагедией. Она, - вместо ответа произнёс Ювелир, плохо заботясь о сбитом дыхании. - Ты победила нас, - он показал ей свободной рукой камень-душу Сотворителя. - Я вижу тебя настоящей.

Кода кинулась вперёд, пытаясь поймать его разжавшуюся руку, спасти камень, который он держал, но не успела. Ювелир сорвался в пасть Хаоса, который мгновенно его проглотил. Храм вздрогнул, а потом начал разрушаться.

Насмотревшись вниз, поняв, что камень больше не вернуть, Соблазнительница, мастер, Зодчий слёз - Кода поднялась и посмотрела перед собой, увидев Сотворителя, там, в самом центре Врага. Из глаз покатались слёзы бессильной злобы и обиды. Её опять обманули, опять предали. Но сердце быстро нашло всему объяснение – это не он, не настоящий Создатель. Настоящий там, в Святилище, ждёт, когда она придёт и поможет ему.

- Моя девочка, - произнесла Длань милосердия, преклоняя колени перед полноватой девушкой с лицом, усыпанным веснушками, густыми каштановыми волосами и огромными неуклюжими механическими крыльями, перед Кодой. - Теперь ты – хранительница этого Храма. Теперь ты последняя его защита. Я вернула ему все свои долги, и если ты хочешь попытаться его спасти – я помогу тебе. - Соблазнительница перевела на неё пустой взгляд, полный рассеянного непонимания. Старуха тепло улыбнулась ей и продолжила, с непонятной, невыраженной до конца лаской, как прощальным жестом, дотронувшись до её голени. - Я думала, что мне будет приятно уничтожить это место, но это на самом деле так непереносимо сложно.

Злости, которую я копила от сотворения мира, хватило на пару часов. Я отдала Храму всю себя, и теперь, выходит, я тоже Храм, ведь он принял все мои жертвы, все до одной. Даже замахнувшись для последнего удара, так сложно принять, что я действительно, не в мечтах, опускаю руку и убиваю его. И теперь, когда всё уже почти кончено, мне кажется, что забрав меня, высосав всю мою жизнь, Храм всё равно дал мне больше. Он дал нечто более совершенное, чем жизнь, он дал мне себя, а это... почти как бессмертие, Кода, но лишено присущей настоящему бессмертию пакости – излишнего опыта, излишней обеспеченности, которые лишают нас потребности друг в друге.

Я злилась на мир и на Храм, потому что те немногие, которых я спасала по любви, уходили, как только исцелялись. А я плакала. Плакала потом над их телами без души. Но теперь я понимаю, девочка, девочка моя, никто не хочет продолжать сидеть у собственной постели, а что ещё есть во мне, как не вечное напоминание о боли? Я возвращаюсь в боль, как в свой дом. Иду в неё, как в свой Храм. Но теперь уже поздно. И я тоже уже не хочу сидеть у собственной постели, хочу покинуть место, в котором я провела всю свою жизнь.

Девочка моя, я знаю, это очень обидно – быть чей-то последней страстью, но ты сдержись, ты прими мой подарок. Иди. Иди скорее, делай, что должна, а я отдам тебе всё, что у меня ещё осталось. Этого уже совсем немного, но, насколько возможно, я заберу твою боль.

Отвернувшись от старухи в самый последний момент, Кода поспешила прочь из Зала Творения. Передвигаться было несложно - Битва уже завершилась. Теперь даже она не скрывала Тишины.

Кода добралась до опустевшего Святилища и, увидев Сотворителя, издала полный ужаса и боли крик. Тяжело передвигаясь под своими уродливыми крыльями, которые были слишком тяжелы, чтобы летать, под крыльями, которые были её проклятием. Крыльями, из-за которых все над ней смеялись, под ненавистными, ужасными крыльями, лишившись сразу всего того, что так долго для себя покупала – возможности мгновенно перемещаться, своего идеального тела и лица, средств убийства и регенерации, она

миновала место своих первой и второй смертей. И, как могла быстро, направилась к единственному мужчине, который был добр к ней.

Существу, к которому она прибежала тогда, в самый первый раз, когда, попав, наконец, в Храм, отдав Ювелиру своё девство, лишь только он проявил к ней интерес, продавшись за тёплый взгляд, за единственное нежное прикосновение, она наутро проснулась одна, а днём он даже её не узнал. Существу, у ног которого она тогда плакала в последний раз, в той своей жизни, а потом поклялась – этот Храм будет её единственным домом. Она не предала этот дом, и этот дом защищал её, дал ей всё, что ей было нужно. Поклялась, что Сотворитель будет её единственной любовью, и она, в конце концов, не предала его, она не выдала Ювелиру имя Хаоса. Не её вина, что этот безумец сам разгадал ответ. Сотворитель не предал Коду. Он дал ей вторую и третью жизнь. И дал ей возможность мести, которой она воспользовалась сполна.

- Я знаю, - тихонько шептала она ему, - ты это всё устроил по нашей любви. Потому что где-то должен быть мир, где такие, как я, хотя бы имеют крошечную долю шанса на счастье, мой милый. Я знаю, - успокаивала она материнским шепотом статую, - но это очень больно принимать, и я прошу, прошу, прости меня за то, что я хочу тебя спасти, любовь моя.

Рыдая и некрасиво вытирая слёзы с распухшего лица, она гладила его по мраморным волосам и целовала в неподвижные губы. Кожу больше не жгло, как было всегда, когда она раньше его касалась.

Заходясь в рыданиях, она разорвала ослабевшими руками невзрачное серое платье, которое ей удалось достать после воскрешения и, порвав кожу между грудей, оторвала полумеханический хрящ грудной клетки. Роняя крупные слёзы на лицо своего любимого, и смывая ими кровь с его глаз, Кода одним рывком разорвала свою грудную клетку. Враз утихнув и уже не дыша, она вырвала своё сердце и поднесла к пустому месту в груди Сохранителя. Она держала его там, сколько хватило сил, сколько Длань Милосердия смогла поддерживать её жизнь, а затем руки опустились, и сердце с нелепым чавкающим звуком упало на пол.

Под покровом железных крыльев, Кода мёртвыми губами до конца света целовала неспособный ей ответить камень.

Длань Милосердия, всё так же криво улыбаясь, не двинулась с места, когда массивный кусок пола, на котором она находилась, оторвался от Храма и направился в Хаос. Ещё живая старуха, отдавшая теперь Храму всю себя до самого основания, теперь никогда не пошевелится. Хаос трепал жидкие седые полосы, трепыхавшиеся на ветру. Недалеко от неё Сохранитель таял и сфера за сферой ронял все моменты, в которые Храм мог бы изменить себя, стать другим, но ни одна из них так и не разбилась. И вместе с ними, так и оставшимися целыми до самого своего исчезновения, падали вниз и разбивались, разбивались о твердь неизменности сотни непостроенных Ювелиром Храмов. В этом месте никто и никогда не захотел изменить ни единого своего шага. Это место единственное из тех, каким оно могло быть. Этот мир не множился подобно падающему на призмы лучу, не расползлся подобно червоточине с миллионом ответвлений. У него не было иной судьбы.

А там, над разрушающимся Храмом в последний отчаянный раз вставало в безудержной своей красоте солнце, и юный механоид, лёжа на парапете, видел его. Рядом с ним до самого последнего момента молчал ученик Ювелира. И новые цели уже никуда не гнали его. А между ними, с простоватым лицом деревенского дурака, воскресший ученик косаря, неспособный к делу, которому обучался, наявничал на флейте знакомый мотивчик. До боли, до слёз в глазах знакомый и больше, чем родной.

Мелодия для флейты всё вилась, набирая и сбрасывая обороты. Что за нужда вот так кончать вторую жизнь – сидя на парапете под лучами последнего рассвета? Что за нужда – так глупо, так нерационально растрачивать бесценную жизнь, важнейшее, что есть у

каждого, бросая её на ветер, словно ворох пожухлой листвы? Лучший из когда-либо живших флейтистов не мог бы ответить, да и не задавал себе этот вопрос. Просто когда рушился купол, переливаясь и золотясь в милосердных, плачущих от переполняющей сверх всяких краёв теплоты, лучах этого солнца, эти трое не боялись. И зная это, голос внутри ученика мастера молчал, словно улыбаясь им.

Обрушился потолок и стены. Хаос вырвался наружу и, радостно ликуя, начал поглощать мир в себе, но это была уже только рефлексия. Если бы в этом мире существовал Ювелир, он увидел бы, что весь погибающий мир сияет светом раскрывшихся душ, но взамен погибших в мир так и не пришел ни один новый демон.

Некоторое время над умирающим миром сияла ясным светом, сводя с ума всех, кто осмелился поднять вверх глаза, любовь Ювелира.

Она сияла и после конца мира, пока был жив Хаос, и ещё немного после того, как Хаоса не стало, но затем исчезла и она.

После этого не стало ничего.

Вначале было слово. И слово было у Бога. И слово было о Боге. И слово было Любовь.

*Нелле
Санкт-Петербург, 2012*